

О созывѣ помѣстнаго російскаго собора и о патриаршествѣ.

Толки печати о созывѣ собора и патриаршествѣ за послѣдніе дни ¹⁾ приняли нѣсколько иное направленіе: нетерпѣливое ожиданіе собора смѣняется тяжелымъ раздумьемъ—благовременно ли созывать соборъ? Да и нуженъ ли онъ вообще? Нужны-ли и какія-бы то ни было реформы? Въ вопросѣ о патриаршествѣ мнѣнія рѣзко расходятся; съ одной стороны со всею рѣшительностью заявляется, что патриаршество не нужно; съ другой—что въ установленіи его—все дѣло: слѣдуетъ только не установить, а возстановить (уже установленное) патриаршество и—церковь моментально обновится.

Въ „Новомъ времени“ за 11 Апрѣля помѣщены двѣ статьи по этому вопросу: 1) Кіевское Духовенство о церковномъ соборѣ и 2) Объ управленіи русской церкви. В. Розанова. Въ Мартовской кн. Христіанина помѣщена статья пр. Антонія Архіепископа Волынскаго: Возстановленіе патриаршества.

По поводу этихъ-то статей будетъ неизлишне, думается, высказать нѣкоторыя соображенія.

Въ первой статьѣ анонимный авторъ (мірянинъ) такъ характеризуетъ настроеніе кіевского духовенства: „въ средѣ прогрессивно настроенныхъ священниковъ, какъ и въ средѣ ультра-правыхъ царить весьма сочувственное отношеніе къ созыву собора, къ возстановленію патриаршества и уничто-

¹⁾ Настоящая статья въ формѣ доклада была читана въ собраніи союза 17 Октября Апрѣля 20-го.

женію должности Об. Прокурора. Въ кругахъ же умѣренныхъ, *составляющихъ большинство*, замѣчается болѣе сдержанное, а часто и совершенно отрицательное отношеніе къ поставленнымъ на очередь реформамъ: „Мы боимся собора—слышится здѣсь. Смута въ умахъ еще не улеглась, взбаламученное море не успокоилось. Страсти кипятъ. Время-ли теперь для органическихъ реформъ? Какъ бы соборъ не вызвалъ новаго раскола. И при томъ возьмите вопросъ объ организациіи и составѣ собора: если соборъ соберутъ въ такомъ составѣ, какъ проектировало Предсоборное Присутствіе, то такой епископскій соборъ никого не удовлетворитъ и породитъ еще болѣе тяжкое недовольство; всѣ будутъ говорить, что это не церковный соборъ, а соборъ только епископовъ—монаховъ; церковь же представляетъ собою совокупность всей паствы: (пастырей) и пасомыхъ. Если же рѣшатся созвать настоящій соборъ, т. е. представительство всей церкви, то это теперь прямо невозможно. Прежде чѣмъ созывать соборъ, необходимо возстановить живую ячейку церкви—самоуправляющійся приходъ. И только когда церковно-общественная жизнь будетъ возстановлена, только тогда получится возможность созвать подлинный церковный соборъ“.

По вопросу о возстановленіи патриаршества въ тѣхъ же кругахъ высказывается такое мнѣніе: „возстановленіе полномасштабнаго патриаршества можетъ быть чревато осложненіями: мы уже не говоримъ о возможности повтореніи никоніанщины, которая оказалась бы тяжкимъ ударомъ для церкви. Но мы опасаемся, что при нынѣшнихъ условіяхъ патриаршество не освободитъ и не возвыситъ церковь, а наоборотъ подавитъ и принизитъ ее. Если патриархомъ будетъ слабый человекъ, то церковь подпадетъ подъ иго лицъ, окружающихъ патриарха. Если же на престолѣ патриарха окажется деспотъ, то онъ самъ подавитъ церковь. Защитника въ лицѣ Об. Прокурора тогда духовенство не будетъ имѣть; въ епархіяхъ положеніе можетъ оказаться ужаснымъ, прямо средне-вѣковымъ“.

Къ совершенному равнодушію не только на счетъ созыва собора, но и къ дѣламъ церковнаго управленія вообще призываетъ читателей „Новаго Времени“ извѣстный писатель-публицистъ, г. Розановъ:

„Если бы религіозная жизнь страны—говоритъ онъ—текла

въ зависимости отъ порядка дѣлъ въ консисторіяхъ и въ Синодѣ, то можетъ быть давно на Руси не было бы никакой вообще религіозной жизни. Къ счастью, этой зависимости нѣтъ, или она есть только отчасти. *Сердце каждаго человека есть самостоятельный родникъ религіи.*¹⁾ Кто былъ Об. Прокуроромъ, или каковъ былъ составъ Синода, когда старецъ Серафимъ показался въ саровскихъ лѣсахъ, или когда Амвросій жилъ въ своей хибаркѣ въ Оптиной пустыни?—Этого никто не знаетъ и никто даже этимъ не интересуется. И Серафимъ, и Амвросій были *самостоятельными творителями религіознаго свѣта*... Все истинно великое и прекрасное возникаетъ всегда изъ невидимости. Вся „русская вѣра“, можно сказать, совершилась въ тишинѣ. И потому вопросы о патриаршествахъ и об.-прокурорахъ, которыми шумитъ русская жизнь послѣдніе годы, на самомъ дѣлѣ суть очень второстепенные вопросы. Не надо преувеличивать ихъ значенія: это суть вопросы внѣшняго благообразія, вопросы почти „благоприличія предъ иностранцами“, дабы не зазорно было намъ передъ ними и не смѣлъ никто насъ упрекнуть, что „русскою церковью править чиновникъ“, что внѣшняя храмина церкви у насъ не имѣетъ подобающаго вида“.

„Христіанство родилось „въ вертепѣ“, въ „хлѣбѣ“... сказать, что тутъ нѣтъ знаменія и указующаго „перста“ — невозможно. Сердце христіанства—въ смиреніи, униженности и простотѣ. И обстановка дана по этой внутренности. „Сердце православія“ и создается въ лѣсу, на берегу малыхъ рѣчекъ, около „колодца“, „ключа“, куда народъ потомъ паломничаетъ. Это и продолжаетъ собою „вертепъ“, „хлѣбъ“... Можетъ быть, даже и не судьба, вѣчная не судьба („не удастся“) христіанству и православію войти въ хоромы, на паркетные полы, въ залы, покрытые зелеными официальными скатертями. Входя туда, или втаскиваемое (черезъ силу) туда, оно умираетъ, задыхается, блѣднѣетъ...

„Исторія собственно получила одинъ разъ христіанство въ полномъ дворцѣ: это—папство, Римъ. Россія опредѣленно этого не хочетъ повторять. *Повидимому онъ осуществляетъ христіанство въ деревнѣ.* Но не будемъ сознательно и къ этому тянуться. „Какъ Богъ устроить“... пока чтò, есть у

¹⁾ Курсивъ—вашъ, здѣсь и далѣе.

насъ архіереи, попы, хорошая служба, есть консисторіи, Синодъ, чиновники и Вл. К. Саблеръ. Кое-что... Все—въ недо-дѣлкахъ! Каждому хочется это „додѣлать“. И вотъ почему всѣ тянуть и прожектируютъ. Тогда какъ можетъ быть въ „недодѣланномъ то видѣ“ у насъ вся суть“.

„Учрежденіе патриаршества и отмѣна или даже ослабленіе об.-прокуратуры имѣло бы, по словамъ г. Розанова—послѣд-ствиемъ немедленное не только подавленіе, но *раздавленіе* блага духовенства монашествующимъ... Ну, а съ другой стороны не надо забывать и этого маленькаго факта, который есть тоже *грозное предостереженіе* будущему: едва вотъ митрополитъ петербургскій захворалъ и пересталъ временно управлять дѣлами епархіи, какъ приходское, т. е. богатое и сильное духовенство немедленно провело мѣру, которою отбиралось право совершать требы у священниковъ всѣхъ домовыхъ церквей, т. е. бѣдныхъ и слабыхъ... Такъ что и одни священники безъ наблюденія надъ ними архіереевъ ли, свѣтскихъ ли чиновниковъ, или прихожанъ, тоже могутъ начать Богъ знаетъ, что дѣлать“.

Совсѣмъ иначе разсуждаетъ Архіепископъ Волынскій Антоній: „Не стоитъ теперь и толковать—говоритъ онъ—ни о какихъ соборахъ, ни о возрожденіи духовной школы, ни о возрожденіи прихода, пока не будетъ патриарха... Высшее правленіе церкви есть соборъ. Несомнѣнно такъ; только не надо забывать, что соборы у насъ и прекратились вмѣстѣ съ прекращеніемъ патриаршества. Патриархъ—власть исполнительная... а творческая и законодательная сила—соборъ. Но *соборъ не можетъ собраться самъ собою*, не можетъ самъ провести въ жизнь своихъ постановленій, не можетъ вести постоянную борьбу за церковь противъ враждебныхъ ей теченій общественной жизни, особенно теперь, когда послѣдняя столь чужда главныхъ основъ христіанства—смирненія, воздержанія и любви, а направляется самолюбіемъ, чувственностію и себялюбіемъ.. „Но—успокаиваетъ онъ—это небольшая бѣда: возстановленіе патриаршества—дѣло весьма легкое, а именно:

„Соборъ можетъ быть созванъ по Высочайшему повелѣнію патриархомъ, но самый патриархъ (первый) можетъ быть провозглашенъ Высочайшимъ опредѣленіемъ и манифестомъ. Какимъ образомъ? Объ этомъ мы неоднократно говорили: по

Божественному праву (de jure divino) верховный пастырь не можетъ быть отмѣненъ, ни ограниченъ въ богодарованныхъ своихъ полномочіяхъ. Императоръ Петръ 1-й и его регламентъ только связали первосвященителя, но упразднить его не можетъ никакая власть. Онъ былъ фактически, насильственно лишенъ своихъ каноническихъ правъ, но въ очажъ *Божіихъ* они при немъ остаются. Кто же теперь можетъ воспретить преемнику Петра отмѣнить это ограниченіе, развязать узы церковныя? Кто осмѣлится не признать законности такого богоугоднаго дѣянія? А какъ оно можетъ выразиться? Провозглашеніемъ первенствующаго, или Московскаго митрополита—каноническимъ патріархомъ. За тѣмъ, разумѣется, христіанская любовь внушитъ главѣ государства и *главѣ помѣстной церкви* испросить на сіе благословеніе *прочихъ патріарховъ*.¹⁾

Такимъ финаломъ разрѣшается десятилѣтнее ожиданіе и приготовленіе къ созыву помѣстнаго русскаго собора.

Попробуемъ разобраться въ этихъ мнѣніяхъ.

Вопросъ о созывѣ собора въ нихъ соединенъ съ вопросомъ о возстановленіи патріаршества и упраздненіи должности об.-прокурора. Мы рассмотримъ ихъ отдѣльно и раздѣлимъ, поэтому, рѣчь свою на двѣ части: о соборѣ и о патріаршествѣ.

I.

Вопросъ о соборѣ въ свою очередь распадается на два: нуженъ ли соборъ именно въ настоящее время, и нуженъ-ли онъ вообще?

Что созывъ собора неудобенъ въ настоящій моментъ—въ этомъ сходятся всѣ три мнѣнія. Первое изъ нихъ въ качествѣ мотива указываетъ страхъ: какъ бы изъ собора не вышло чего-либо худшаго уже потому, что теперь время не спокойно, „смута въ умахъ не улеглась, страсти кипятъ.“

Мотивъ—мало понятный: о какой смутѣ въ умахъ и какихъ страстяхъ идетъ здѣсь рѣчь? Думается, что вопросы чисто церковные, каковыя должны видать соборъ, далеко не способны такъ волновать наше общество, какъ вопросы политическіе, гражданскіе и общественные, которыми безпре-

¹⁾ Христіанствъ. 1912, Мартъ, 479, 484, 492.

пятственно занимаются однакоже наши законодательныя учрежденія и занимаются далеко не безуспѣшно. Почему же не можетъ заниматься чисто церковными дѣлами соборъ, именно законодательная дѣятельность котораго такъ и нужна въ настоящее время?

Конечно, можно признать вѣрнымъ, что созывать соборъ настоящею же весною, лѣтомъ, вообще до окончанія выборовъ въ законодательныя учрежденія не совсѣмъ удобно; но откладывать далѣе и лишь по мотивамъ страха—нѣтъ основаній.

Важнѣе другой мотивъ: надлежащій соборъ невозможенъ будто бы—пока не рѣшенъ вопросъ о реформѣ прихода, или пока не возстановлено патріаршество...

Спору не можетъ быть, что соборъ, составленный изъ іерархин, духовенства и представителей приходоу съ предсѣдательствующимъ патріархомъ, былъ бы полнѣе, совершеннѣе, благолѣпнѣе, выражаясь по церковному. Но разъ нѣтъ ни того, ни другаго,—не лучше ли удовольствоваться менѣе совершеннымъ соборомъ, чѣмъ оставаться безъ собора?

Сверхъ того, вникая въ существо дѣло, не будетъ ли правильнѣе поставить обратный вопросъ: что здѣсь обусловливаетъ одно другое: наличность ли хорошо устроенныхъ приходоу и патріаршества созывъ собора или обратно? Что соборъ мыслимъ и безъ хорошо устроенныхъ приходоу и патріаршества—доказать это несравненно легче, чѣмъ обратное. Стоитъ только привести на память тотъ историческій фактъ, что соборы дѣйствовали въ качествѣ законодательныхъ и учредительныхъ органовъ въ церкви въ эпоху, когда не было еще и приходоу въ нашемъ смыслѣ слова и тѣмъ болѣе патріаршества. Мало того, эти древнѣйшіе соборы дѣйствовали въ этомъ качествѣ даже лучше, чѣмъ соборы средневѣковые, когда патріаршество на западѣ и востокѣ христіанства находилось на апогеѣ своей славы, своего величія. Въ нашей русской церкви соборы дѣйствовали съ самаго начала христіанства задолго до установленія патріаршества и дѣйствовали съ силою, нисколько не меньшею, чѣмъ соборы при патріархахъ. Увѣреніе Архіепископа Волынскаго Антонія, будто бы соборъ канонически не можетъ быть созванъ безъ патріарха, въ виду этого факта поражаетъ своею странностію, какъ поражаетъ странностію и его ссылка

на правила 34 Апост. 1-го Всел. собора и помѣтнаго Антиохійскаго: здѣсь говорится о примасахъ и митрополитахъ, какъ инициаторахъ собора, но ни слова—о патріархахъ.

Намъ остается взвѣсить мотивъ ненужности собора, указываемый извѣстнымъ публицистомъ, г. Розановымъ.

Г. Розановъ стремится обосновать ненужность собора и неважность вообще вопросовъ церковнаго управленія болѣе глубоко и его разсужденія, не будь выражены специально розановскимъ языкомъ, могли бы показаться на столько убѣдительными, что съ ними пожалуй было бы трудно считаться и тѣмъ болѣе сосчитаться.

„Сердце каждаго человѣка есть самостоятельный родникъ религіи... Вся русская вѣра можно сказать совершилась въ тишинѣ и потому вопросы о патріаршествѣ и об. прокурорѣ—суть вопросы второстепенные, вопросы почти—благоприличія передъ иностранцами“.

Это—почти правда, но не самая правда: вѣдь если сердце каждаго есть самостоятельный родникъ религіи: то какая же это будетъ религія? Религія есть союзъ Бога съ человѣкомъ: но если сердце само сочиняетъ своего бога, то съ чѣмъ же оно соединяется? Съ самимъ собою?—это—не религія, а самообожаніе. Но правда въ томъ, что сердце есть дѣйствительно органъ, воспринимающій Бога, воспринимающій Христа. Индивидуальная религія есть обитаніе Христа въ сердцѣ, есть незримое для посторонняго общеніе со Христомъ. И чѣмъ интенсивнѣе и чаще это общеніе въ клѣткѣ своей испытываетъ человѣкъ, тѣмъ онъ религіознѣе, сильнѣе. Пустыня, вообще внѣшнее уединеніе, представляетъ дѣйствительно болѣе удобствъ для воспитанія этой индивидуальной религіозности, чѣмъ шумная столичная жизнь. Пустыня воспитываетъ пророка... но не забудемъ: пустыня можетъ воспитать и изувѣра.

„Сердце православія создается въ лѣсу“, „въ хлѣвѣ“. Такъ по теоріи г. Розанова, но не такъ въ дѣйствительности. Развѣ Серафимъ Саровскій, Сергій Радонежскій и другіе пророки русскіе въ лѣсу и въ хлѣвѣ родились? Развѣ пришли они въ лѣса не христіанами, а таковыми явились только здѣсь? Дѣйствительность говоритъ совершенно иное: Христосъ входитъ въ сердце человѣка совершенно независимо отъ того, кому оно принадлежитъ: человѣку, родившемуся въ ясляхъ

вертена или въ царскомъ дворцѣ? Важно то, каково это сердце: воспринимаетъ ли оно Христа, впитываетъ ли въ себя лучи Его свѣта, или же остается холоднымъ, какъ каменная почва, остается „самостоятельнымъ родникомъ религіи“, т. е. самообоженія и дѣйствительно превращается въ хлѣвъ, обитатель котораго воспѣваетъ не хвалу Солнцу правды, озаряющему этотъ хлѣвъ, а произносить хулу и поношеніе...

Исторія „православія“, „русской вѣры“ именно свидѣтельствуетъ, что проповѣдь о Христѣ нашла воспріимчивую для себя почву не въ лѣсу, а въ княжескихъ хоромахъ Кіевскаго Князя и отсюда—изъ мати градовъ русскихъ—возсіялъ свѣтъ Христовой вѣры ко всѣмъ городамъ Руси, а потомъ сталъ проникать въ лѣса и пустыни.

„Сердце христіанства въ смиреніи, уничиженности и простотѣ“. И это правда, но отчасти; тутъ недосказано: передъ кѣмъ смиреніе и уничиженность? Передъ Богомъ, а не передъ людьми. А это очень важно. Розановское (какъ и толстовское) смиреніе, уничиженіе и простота, собственно говоря, нигде не годятся: а вотъ христіанское смиреніе, дѣйствительно, такая добродѣтель, которая желательна въ одинаковой мѣрѣ и для деревни, и для самаго культурнаго центра. Смиреніе христіанское рождаетъ героя („радуйся, страсто-терпецъ непобѣдимая дерзосте“!), смиреніе розановское рождаетъ только холопство.

Все это такъ... но главное: рѣчь идетъ у насъ не объ условіяхъ воспитанія внутренней, индивидуальной религіозности, а о внѣшнихъ ея проявленіяхъ, результатомъ коихъ является творчество Церкви, какъ видимаго религіознаго союза, какъ внѣшняго цѣлаго, состояющагося изъ взаимодействія отдѣльныхъ единицъ, разнообразно настроенныхъ внутренно. И вотъ, какъ скоро эта видимая Церковь выявляется какъ колоссальное (многомилліонное), сложное цѣлое, вопросы о той или иной организаціи ея управленія, о томъ, кто стоитъ во главѣ его, уже перестаютъ быть второстепенными. Для устройства этой организаціи уже недостаточно одного сердечнаго настроенія, тутъ необходимо должна вступить и дѣятельность разума и въ особенности—регулирующая сила права, или закона. Да, въ этомъ дѣлѣ внѣшняго церковнаго строительства получаетъ великое значеніе не

только пророкъ, но и учитель, и домостроитель, законовѣдъ, художникъ, естествовѣдъ, врачъ, дѣвственникъ и женатый, богачъ и бѣднякъ, крестьянинъ и вельможа, рабъ и царь. Каждый можетъ и долженъ вносить долю участія и—какъ показываетъ тысячелѣтній опытъ—дѣйствительно вносить долю своего участія въ созиданіе Великой Православной Русской церкви.

Я не скажу фразы, если выражусь такъ: русская нація за всю свою исторію не привнесла въ міровое строительство ничего столь великаго, какъ именно православную Церковь. Да, на нее обращены взоры не только восточнаго христіанства, но и западнаго. Она издавна служитъ предметомъ интереса, притягиваетъ къ себѣ умы и сердца исповѣдниковъ иныхъ вѣроисповѣданій.

Православная Церковь въ ея настоящемъ видѣ со всѣми ея учрежденіями есть лишь національное великое наслѣдство и въ нѣкоторомъ смыслѣ есть наша національная гордость передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Мы должны не только сохранить это наслѣдство, но и содѣйствовать процвѣтанію его въ будущемъ.

И если въ переживаемый моментъ не замѣчается недостатка ревности въ вѣрѣ въ отдѣльныхъ лицахъ, но падаетъ въ уваженіи церковь какъ видимое учрежденіе, или какъ система учреждений, то понятно, что вопросы объ управленіи ея имѣютъ очень, очень глубокое значеніе.

Предположимъ на минуту, что во главѣ управленія ея станетъ личность со взглядами г. Розанова, или цѣлая ихъ коллегія, и начнетъ дѣйствовать въ сферѣ церковнаго управленія сообразно съ такими своими взглядами на христіанство и православіе: не будетъ ли тогда дѣйствительно православіе уходить изъ столицъ и городовъ въ деревни и лѣса, оставляя замѣщать свое опустѣлое мѣсто въ культурныхъ центрахъ католичествомъ, протестантствомъ или еврействомъ?

Да, если и въ личномъ религіозномъ дѣланіи сердце и умъ каждаго не можетъ быть „самостоятельнымъ родникомъ религіи, а нуждается въ коррективахъ и корректурахъ церкви, какъ учрежденія, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о внѣшнемъ церковномъ строительствѣ. Въ томъ и великое достоинство православія, что высшимъ авторитетомъ въ немъ почитается не отдѣльное лицо, хотя бы то былъ и пророкъ,

патріархъ или папа, но только и единственно— соборъ церковный.

Помѣстный соборъ не только желателенъ, но и прямо необходимъ, именно какъ органъ законодательной и учредительной церковной власти. Къ настоящему времени назрѣло много и очень важныхъ вопросовъ, требующихъ именно законодательнаго рѣшенія (напр. вопросъ о клятвахъ собора 1667 г., о смѣшанныхъ бракахъ, о молитвахъ за умершихъ инославнаго вѣроисповѣданія), назрѣло не мало потребностей въ выработкѣ органическихъ уставовъ для оч. важныхъ церковныхъ учреждений. Обратимъ вниманіе напр. на то, что Духовный Регламентъ—основной учредительный актъ Св. Синода—созданъ почти 200 лѣтъ тому назадъ, совершенно устарѣлъ и требуетъ себѣ замѣняющаго его акта. Организациія епархіальнаго управленія, устройство приходовъ и монастырей, а также и духовно-учебныхъ заведеній требуютъ также выработки принципиальныхъ законодательныхъ опредѣленій. Потребность радикальной реформы церковнаго суда признана была ясно еще въ 70 годахъ прошлаго столѣтія и ни на шагъ не двинулась впередъ до настоящаго момента.

Все это въ настоящее время обстоитъ дѣйствительно „кое какъ“ и „въ недодѣланномъ видѣ“: вся полнота церковной власти т. е. и законодательной, и административной и судебной сосредоточена у насъ единственно въ Св. Синодѣ, „состоящемъ изъ шести—семи по полугодно смѣняемыхъ архіереевъ и двухъ іереевъ“¹⁾.

Оттого-то наше церковное управленіе за послѣднее время и отличается крайнею неустойчивостію распоряженій, частою смѣною однихъ другими рѣзко различными, произволомъ, усмотрѣніемъ, неувѣренностію подчиненныхъ инстанцій въ томъ, какъ отнесутся къ ихъ дѣятельности высшія.

Устраненіе этого то недостатка въ нашемъ церковномъ управленіи и водвореніе въ послѣднемъ опредѣленности и принципиально правовой устойчивости и составляетъ, по нашему глубокому убѣжденію, самый сильный мотивъ къ созванію помѣстнаго русскаго собора.

¹⁾ Архіепископъ Антоній: Возстановленіе патріаршества, Христіанствъ, Мартъ 1912, стр. 483.

Каждый моментъ промедленія только болѣе и болѣе затрудняетъ и осложняетъ задачу будущаго собора и неминуемо ведетъ къ усиленію религіозной и церковной анархїи, по неволѣ дѣлаетъ „сердце каждаго самостоятельнымъ родникомъ религїи“.

II.

По вопросу объ установленіи (или восстановленіи) патріаршества мнѣнія печати въ переживаемый моментъ рѣзко различны. Большинство кievскаго духовенства и г. Розановъ думаютъ, что восстановленіе патріаршества „не освобождаетъ и не возвыситъ церковь, а наоборотъ подавитъ и принизитъ ее“; „учрежденіе патріаршества или даже ослабленіе об. прокуратуры будутъ имѣть послѣдствіемъ не только подавленіе, но раздавленіе бѣлаго духовенства монашествующимъ“.

Совсѣмъ иначе высказывается Архіепископъ Вольняскій Антоній. Онъ—восторженный и искренній поклонникъ патріаршества, ожидающій отъ него неисчислимыхъ благъ не только для церкви, но и для государства.

По его мнѣнію, „восстановленіе патріаршества есть восстановленіе той свободы или автономїи внутренней церковной жизни, которую признаютъ за церковью и новѣйшее законодательство и общественное мнѣніе“.

„Всѣ знаютъ, что отсутствіе у насъ патріарха, какъ верховнаго пастыря является главной причиной отчужденія отъ церкви раскольниковъ, ревнителей каноновъ: теперь они собираются создать своего лже-патріарха и обѣщаютъ возить его по Москвѣ въ золотой каретѣ“.

„Вотъ что мы писали въ докладной запискѣ 1905 года: Если бы такое событіе (восстановленіе патріаршества) совершилось въ великомъ посту, то не позже Троицы состоялся бы и законный соборъ помѣстный съ участіемъ восточныхъ патріарховъ, а къ осени святая церковь процвѣла бы такою силою благодатной жизни и духовнаго оживленія, что оно бы увлекло паству далеко далеко отъ тѣхъ звѣрскихъ инстинктовъ, которыми теперь раздирается наша родина, и Самодержавная Власть непоколебимо и радостно стояла бы во главѣ народной жизни. По лицу родной страны раздавались бы священныя пѣнопѣнія, а не марсельезы, въ Москвѣ

гудѣли бы колокола, а не пушечные выстрѣлы; черноморскія суда, украшенныя бархатомъ и цвѣтами, привозили бы и отвозили преемниковъ апостольскихъ престоловъ священнаго востока, а не измѣнниковъ, не предателей, руководимыхъ жидами; и вообще революціи ни тогда бы не было, ни теперь, ни въ будущемъ, потому что общенародный восторгъ о возстановленіи православія послѣ долгаго его плѣна и подступиться не далъ бы сѣятелямъ безбожной смуты¹⁾.

Вотъ какъ полярно противоположны мнѣнія по вопросу объ установленіи патриаршества въ русской церкви.

Какъ же отнестись къ этимъ двумъ крайнимъ мнѣніямъ?

По видимому, такая рознь во мнѣніяхъ и такое рѣзкое ихъ выраженіе обуславливаются разностію источниковъ, изъ которыхъ представители того и другого мнѣнія черпали свои свѣдѣнія и составляли свои представленія о будущемъ российскомъ патриархѣ. Они стояли на совершенно разныхъ плоскостяхъ, когда рѣшали существенный въ данномъ случаѣ вопросъ: что есть патриархъ?

Какія это плоскости?

Эти плоскости—литературныя, бытовыя, историческія и каноническія.

По первой патриархъ есть высшій архипастырь, своимъ священнымъ саномъ превосходящій всѣхъ епископовъ, архіепископовъ и митрополитовъ помѣстной Церкви. Священнослуженіе его отличается необычайною торжественностью и благолѣпіемъ. Для любителей церковной обрядности возстановленіе его дѣйствительно очень желательно и сдѣлать его весьма легко: патриаршая ризница и библіотека сохранили всѣ детали патриаршаго священнослуженія и ритуала до полнаго описанія обряда „шествія на осляти“.

Возстановленіе этого „патриаршаго сана“ съ пожалованіемъ его первенствующему члену Свят. Синода сдѣлать дѣйствительно не трудно даже путемъ, указываемымъ Преосвященнымъ Антоніемъ.

Но будетъ-ли возстановленіе этого сана такъ плодотворно для усиленія православія—вопросъ конечно иной. Вѣдь и всѣ наши епископы, въ особенности же митрополиты по

¹⁾ Христіанинъ, стр. 492—493.

своему священному облаченію лишь немногимъ чѣмъ ума-лены въ сравненіи съ патріархами.

Кіевское духовенство и г. Розановъ, очевидно, имѣютъ въ виду не эту сторону патріаршества, а то единоличное полновластіе, которымъ пользовались фактически патріархи Филаретъ и Никонъ, и котораго серьезно побаивался Петръ Великій или авторъ Духовнаго регламента. Возстановленіе такого патріаршества, конечно, не желательнo ни духовенству, ни старообрядцамъ, ни самому Преосвященному Антонію.

Остается третья плоскость—каноническая. На ней повидному, стоитъ твердо Пр. Антоній. Противниковъ учрежденія патріаршества онъ прямо и обличаетъ въ каноническомъ невѣжествѣ. „Пользуясь невѣжествомъ русскаго общества въ церковныхъ канонахъ—говоритъ онъ—и неосвѣдомленностью въ нихъ самого духовенства, наша учебная и ученая исторія, гражданская и церковная, представляла отміну патріаршества вовсе не какъ прямое и ничѣмъ неизвинительное отступленіе отъ *основныхъ каноновъ всей Христовой церкви*, а какъ дѣло всецѣло зависящее отъ усмотрѣнія свѣтскаго и церковнаго, или даже одного только свѣтскаго правительства и опредѣляемое такимъ или инымъ разумѣніемъ пользы церковной или даже государственной. Если нѣкоторые писатели или преподаватели возражали противъ разумности Петровой и Теофановой реформы, то опять же съ точки зрѣнія пользы, нисколько не затрудняя ни себя ни читателей или слушателей вопросомъ о томъ—мыслимо ли по самому существу дѣла упразднить въ помѣстной церкви *ея главу*, ея верховнаго пастыря, *установленнаго вселенскими соборами съ такой же опредѣленностью, какъ три степени іерархіи*“¹⁾.

Итакъ, вопросъ что есть патріархъ въ каноническомъ значеніи, какія права ему принадлежатъ—правилами Вселенскихъ соборовъ разрѣшается съ такою же ясностію и опредѣленностію, какъ вопросъ о трехъ степеняхъ іерархіи.

Если бы въ дѣйствительности дѣло это было ясно и опредѣленно, то, конечно, возстановленіе каноническаго патріаршества въ русскоѣ церкви не нуждалось бы ни въ какомъ

¹⁾ Христіанинъ, стр. 481.

соборѣ и дѣйствительно моментально возстановило бы каноничность нашего церковнаго управленія.

Къ сожалѣнію справки съ канонами и исторією патриаршества говорятъ нѣчто прямо противоположное.

Такъ въ правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, утвержденныхъ вселенскими, терминъ „патріархъ“ встрѣчается только однажды въ 7-мъ правилѣ Трулльскаго собора; вообще же они тщательно избѣгаютъ употребленія этого термина ¹⁾ и въ наименованіе тѣхъ іерарховъ, которые въ государственномъ законодательствѣ и бытовомъ обиходѣ дѣйствительно носили этотъ титулъ.

Что касается опредѣленія сущности патриаршества, то въ памятникахъ византійскаго права встрѣчается *единственный* опытъ регламентаціи этого предмета, принадлежащій не каноническому, а государственному праву, именно Эпанагогѣ императора Василя Македонянина. Титулъ эпанагоги о патріархѣ принятъ былъ въ нѣкоторомъ сокращеніи въ синтагму М. Властаря и такимъ образомъ какъ бы „канонизовался“, получилъ каноническую санкцію.

Но и этотъ единственный опытъ опредѣленія патриаршей власти таковъ, что, по мѣткому выраженію Н. П. Аксакова, указываетъ только на то, чѣмъ не долженъ быть патріархъ, а не то, чѣмъ онъ долженъ быть ²⁾.

Права и размѣры власти восточныхъ патріарховъ устанавливались не Вселенскими соборами, а постепенно путемъ обычая и отчасти императорскимъ законодательствомъ. Вселенскіе соборы только по временамъ утверждали эти права (напр. право рукополагать митрополитовъ (Халкид. 28), право высшей судебной инстанціи (Халкид. 9, 17), такъ что опредѣленіе правъ и предѣловъ власти патріарха, возможное на основаніи этого разнообразнаго матеріала — дѣло весьма трудное. Доказательство этого представляетъ наша не богатая по этому предмету литература. Въ 1878 году профессоръ СПбургской Духовной Академіи Т. В. Барсовъ составилъ дов. большую книгу подъ заглавіемъ „Константино-

¹⁾ Употребляется терминъ патріархъ въ правилахъ помѣстнаго собора. Двукратнаго (861 г.) 15 и 16 мѣ и въ 1 прав. собора Софійскаго (879 г.).

²⁾ Н. Аксаковъ: Патриаршество и канонъ, Спб. 1908. Оттискъ изъ Церковнаго Вѣстника 1908 (Воображенія на ст. проф. Н. Заозерскаго: Основы начала учрежденія патриаршества. Богословскій Вѣстникъ 1905 г.).

польскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію“, въ которой представилъ опытъ опредѣленія каноническихъ правъ патріарха. Работалъ онъ усердно и изучилъ довольно достаточно литературу по этому предмету. Однако же опытъ его оказался далеко неудачнымъ, такъ что одинъ изъ рецензентовъ его книги проф. А. С. Павловъ характеризовалъ его опытъ теоріею восточнаго папизма“¹⁾. И Св. Синодъ хотя и увѣнчалъ эту книгу докторскою степенью, однако же не во вниманіе къ ея научнымъ дѣйствительнымъ достоинствамъ, а принимая во вниманіе лишь усердіе автора и бѣдность нашей канонической литературы.

Пишущему эти строки приходилось неоднократно и довольно пристально заниматься вопросомъ о патріаршествѣ, а именно при разсмотрѣніи вышеназванной диссертациі г. Барсова, при составленіи собственной докторской диссертациі о „Церковной власти“ (1896 г.), далѣе предъ отправленіемъ въ Предсоборное Присутствіе, когда имъ былъ напечатанъ рядъ статей подъ заглавіемъ: *Основныя начала желательнаго для русской церкви учрежденія патріаршества* (1906 г.)²⁾, но признаться, ни самъ я не остаюсь удовлетвореннымъ своими изысканіями, ни другіе, обращавшіе ученое вниманіе на эти изысканія. Въ Предсоборномъ Присутствіи послѣ немалыхъ разсужденій выработаны были и приняты большинствомъ только слѣдующія положенія о патріархѣ:

Какъ предсѣдатель Синода, патріархъ

1) Предсѣдательствуетъ въ Синодѣ и руководитъ въ за-сѣданіяхъ Синода порядкомъ обсужденія дѣлъ.

2) Наблюдаетъ за исполненіемъ постановленій Синода и за правильнымъ теченіемъ дѣлъ во всѣхъ состоящихъ при Синодѣ учрежденіяхъ по управленію русскою Церковью.

3) Принимаетъ жалобы на епископовъ и даетъ имъ надлежащій ходъ.

4) Сносится съ прочими церквами по частнымъ вопросамъ церковной жизни непосредственно отъ себя; по вопросамъ же общаго значенія—отъ имени Синода.

5) Служитъ органомъ сношеній высшаго церковнаго правительства съ высшими государственными установленіями по текущимъ дѣламъ.

¹⁾ Рецензія помѣщена въ Православномъ обозрѣніи 1879 года.

²⁾ Богословскій Вѣстникъ 1905—1906 г.

6) Пользуется правомъ непосредственно и лично ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ, какъ покровителемъ церкви, о неотложныхъ и важнѣйшихъ ея нуждахъ.

7) По исполненіи каждаго года представляетъ Государю Императору всеподданнѣйшій отчетъ о внутреннемъ состояніи русской церкви, съ указаніемъ ея потребностей въ цѣляхъ ея благотворнаго вліянія на народную жизнь.

Какъ патріархъ русской церкви:

1) Не укунительно наблюдаетъ за своевременнымъ замѣщеніемъ праздныхъ епископскихъ кафедръ.

2) Даетъ отпуски епископамъ въ предѣлахъ Россіи и внѣ ея, свыше мѣсяца.

3) Принимаетъ къ своему разсмотрѣнію дѣла по личнымъ спорамъ между собою епископовъ, добровольно обращающихся къ нему за разрѣшеніемъ распри безъ формальнаго судопроизводства; рѣшеніе его для обѣихъ сторонъ обязательно.

4) Разъясняетъ частныя недоумѣнія епископовъ по вопросамъ церковнаго порядка, исключая тѣ случаи, когда таковыя недоумѣнія вызываютъ общія разъясненія и потому требуютъ обсужденія въ Синодѣ.

5) Съ вѣдома Синода и съ соизволенія Государя Императора созываетъ всероссійскіе соборы и предѣдательствуетъ на нихъ.

6) Имѣетъ высшее наблюденіе за порядкомъ и благоустройствомъ въ русской церкви и въ нужныхъ случаяхъ предлагаетъ Синоду принять соответствующія мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка.

7) Пользуется преимуществомъ чести предъ всѣми епископами русской церкви, и имя его, вмѣстѣ съ именемъ Синода поминается при Богослуженіи во всѣхъ церквахъ Россіи.

8) Имѣетъ право посылать учительныя посланія и пастырскія воззванія по всей русской церкви.

9) По нарушенію правъ и обязанностей своего служенія подлежитъ суду собора епископовъ русской церкви, созываемаго Синодомъ по благоусмотрѣнію Государя Императора¹⁾.

¹⁾ Журналы и протоколы засѣданій Предсоборнаго Присутствія, т. I, стр. 279—280.

Какъ ни незначительны были выраженные здѣсь преимущества патріарха предъ прочими епископами, однакоже и они встрѣтили рѣзкій протестъ меньшинства. При этомъ заслуживаютъ вниманія мотивы, какія выставяло протестовавшее меньшинство, а именно:

„Въ каноническихъ правилахъ періода вселенскихъ соборовъ—гов. проф. Н. С. Суворовъ—нѣтъ ничего, что говорило бы въ пользу возстановленія патріарха, такъ какъ каноническія правила изъ времени, предшествующаго образованію патріархатовъ, скорѣе воспрещаютъ чѣмъ предписываютъ именованіе епископовъ первой каѳедры какими-либо отличительными титулами, какъ напр. экзархомъ іереевъ, или верховнымъ священникомъ, или чѣмъ-нибудь подобнымъ, допуская лишь наименованіе „епископа первой каѳедры“ (Кар. соб. прав. 48), а каноны позднѣйшаго времени знаютъ патріарховъ, какъ высшихъ епископовъ отдѣльныхъ территоріальныхъ частей римской имперіи, а не какъ высшихъ епископовъ цѣлой имперіи, каковыми должны бы быть возстановленные русскіе патріархи“¹⁾.

„Послѣ того—говорилъ проф. протоіерей Ѳ. Титовъ—какъ большинствомъ членовъ Отдѣла усвоены первому епископу русской церкви такія права не только чести, но и власти надъ всею русскою церковью, для которыхъ *нѣтъ рѣшительно* никакихъ историческихъ и каноническихъ основаній, я нахожусь вынужденнымъ присоединиться по вопросу о патріаршемъ титулѣ перваго епископа русской церкви къ мнѣнію Н. С. Суворова. Къ сказанному имъ я съ своей стороны считаю необходимымъ присоединить и свои соображенія въ пользу несвоевременности и невозможности усвоенія первому епископу русской церкви патріаршаго титула, какъ именно обозначеніе не только высшей почести, но и высшей власти и особенныхъ правъ его... 34-е Апостольское правило говоритъ исключительно только о преимуществахъ чести перваго епископа и о непремѣнной *обязанности* его *ничего не творить безъ разсужденія со всѣми*“²⁾.

Какъ видно отсюда, и лица, специально занимавшіяся изученіемъ каноновъ и исторіи восточнаго патріаршества, да-

1) Тамъ же, стр. 277.

2) Тамъ же, стр. 278.

леко не согласны въ опредѣленіи сущности и правъ патриаршей должности. Откуда почерпнулъ Высокопреосвященный Антоній Волынской свое убѣжденіе, что „патриаршество установлено вселенскими соборами съ такою же опредѣленностью, какъ три степени іерархіи“—это остается положительною загадкою.

Нѣтъ, если дѣйствительно настанетъ потребность возстановлять патриаршество, то для этого нуженъ необходимо соборъ и этому послѣднему придется еще не мало потрудиться надъ выработкою надлежащей канонической конструкции должности патриарха. Такъ она неопредѣленна канонически!

А если бы случилось, что патриаршество дѣйствительно введено: было бы у насъ такимъ скорымъ путемъ, какъ проектируетъ Высокопреосвященный Антоній, то возстановленный такимъ образомъ патриархъ пришелъ бы въ крайнее затрудненіе на первыхъ же порахъ своего служенія: что ему дѣлать? Гдѣ найти руководство и даже указаніе для своей столь отвѣтственной дѣятельности“.

И такое неопредѣленное положеніе привело бы неизбежно къ усиленію еще большаго произвола, усмотрѣнія и неустойчивости въ дѣлахъ церковнаго управленія, а уже никакъ не упорядоченію его.

Н. Заозерскій.